

Сергей Шаршун

**НЕБО
КОЛОКОЛ**

П О Э М А

1919 - 1965

Из серии книг «Герой интереснее романа».

**Издательство
«Вопрос»**

1965

ВСТУПЛЕНИЕ

МАШИНА ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ДУШИ

Старая керосиновая лампа, никогда не принадлежавшая мне, но с самого своего рождения — служившая... которая видела (видит когда зажжена)...

Лунатически запечатлевает она дневные происшествия, напихивая их в полукруглый, прозрачный живот.

Будучи зажженной... она ест, пережевывает их (показывает), отрывая по верблюжьему... и тогда...

...Ну, довольно!..

Она наблюдала мою жизнь (с вида) — спокойную, полную труда, подъема, удовлетворенности, надежд.

Работа лампы — освещать... — она жила сомнамбулически.

Это был никому не ведомый Будда. И, только сосредоточивая свою пантеистическую душу, заправляя ее в тело... расставаясь со вселенной... меряясь с другими (читая книгу), я проводил ее в движение.

...Глубина моей души!.. бессменно беспокойной, вечно нерешительной, незнающей себе цену!

...И вот теперь, после стольких превращений... около

меня все тот-же барометр... сильно пострадавший (памятник форме Зигзага) ...но всегда мечтательный... запечатлевает меня грустно... внимательно... опуская завесу горизонта (когда ему нечего есть), следуя за моей душой — попанной, остывшей от отчаяния (последние трепетания светового счетчика соответствуют угасанию моего стирающегося сознания), — но машина, по инерции, перестает работать, всегда, на одну секунду позже моего исчезновения.

Лампа вечно хранит искру, чтобы возродиться и возобновить вычисления.

...Все чаще горит она слабо — (термометр моего состояния).

Она (веер, пластырь из промокательной бумаги)... сосет, процеживает кровь, проглатывая микроскопические, съедобные крупинки, чтобы высидеть молниевое яйцо, которое разнесет и мою апатию, и весь мир!

1. Z'AI GOUZE AVEC TA MELE !

Архангельск, 25 сенегальцев возвращаются во Францию... Георгий за побег из Турции.

Самоеды выпустили Военные медали из карманов, под пузом, по последней моде, приняв их за брелоки.

«Sans Reproche» поджидает «Царя и Царицу».

Оба переполнены: бурятами, армянами, греками, мордвой, немцами, якутами, эстонцами, поляками, сартами, корейцами.

«Зарка» — «да», разговаривает сенегалец с самоедом.

«Russe y a bon !»

Купаются.

Женщины рассматривают 25 черных мерлушконоговых жираф, и стадо розовых узкоглазых пингвинов, закрывающих руками фиговые листья.

Отплыли к экватору — северному полюсу.

Чернокожие с балалайками. Вздыхая поют, еле слышно, ностальгически — «алабанай». Русский гимн, матерная ругань. Z'ai gouzé avec ta mèle !

Под переливы смеха от октавы до детски-ангелического визга.

«Почему гиппопотам белый?»

Кит пустил в ход гидравлический пресс. «Скоро приедем! — вот слоны невиданных размеров и круглоголовые гориллы, с русскими усами!»

Килиманджаро — белолобый!

Конго, Архангельск — далеко.

Четверо суток по пояс в болоте. Якуты трут снегом побелевших часовых.

За лечение — 15 македонских баранов.

«Аврора» возвратится из Сахары в Ленино-Толстовию.

«Тенасе» из Одессы в Занзибар.

...« Ah, que z'ai gouzé avec ta mèle ! »

2. ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ОЛИМПИАДА

Нахватали всякого сброда (из ста — один... и с какой гордостью! говорил что-то вроде немецкого — *in Amerika geboren*) и одно из *laissez faire*, было увидеть родную, крошечную Европу.

Безработные, подписавшие выгодный контракт. Улизнувшие от голодовки.

Чернорабочие, земледельцы, шахтеры — полюбившие с галерки, спорт, вдруг ставшие профессионалами; обученные в холе и празднике — ехали на матч, показать себя.

Переводчиком при ротном офицере (*in Amerika geboren*) — шустрый итальянец, рывший несколько лет назад, во Франции каналы, или тесавший камень.

А большинство «наш-же брат, мастеровой» — всемирный поставщик убоинки: поляк, литовец, словак, болгарин, серб, русин, украинец... и, покопаешься — редкий не поймет нашей «мувы».

Затем, конечно: неизбежный еврей, *irish* (ирландец), итальянец и испанец, иногда и скандинав, голландец, даже турок.

Но, все покруглевшие, успокоившиеся за свои живо-

тишки и сами не дураки, при случае, начистить морду.

Партии золотоискателей, окрыленных головокружительной надеждой — быть вмеру изуродованным, пограть, выгодно жениться. (Осуществление кинопрограммы — минимум).

Или наивные, неуклюжие англо-саксонские идеалисты, науськанные проповедниками «убить во благо».

(Одно из положительных последствий опыта — распыление мечты о «последней войне»).

Смены нетерпеливых рабочих — ворваться на фабрику, пустить в ход, наладить.

Показать себя. «Еду на три месяца, смотреть и укротить Европу».

...А также и бешенство разъяренного докучливой мухой — слона.

И вот, спаянные старшими мастерами, инженерами и директорами — ячейки разбитных гимнастических команд!

Обещанные спортивными снастями и инструментами: каменщика, землекопа, электротехника, водопроводчика.

С флягами, передержанного в сахаре, кофе — с целым набором плиток шоколада, сыпящегося из карманов, медвяным табаком за щекой и пачками долларов за пазухой.

Но, конечно, отцы-благодетели-реалисты, сделали что хотели: спортивные, летние курсы, маневры олимпиады звездоточивой родины, ввиду серьезных, стоящих напряжения и затрат (и действительно, близких сердцу), вопросов главенства на своем океане.

Результаты «стенки на стенку» не были безошибочно

вычислены заранее (не стоило труда)... Это лишь подготовка — (на местах, за работой, виднее).

Шахматное состязание старейшин. Выискивание нужного руководящего состава, распределение ролей, перекройка смет, планов.

Генералиссимус — Министр Гигиены.

Главный штаб: доктора-санитары, спортивные арбитры, манаджеры, контролеры; эксперты по выводке свиней.

(«Ведь надо-же обучить механической гимнастике этих европейских мозгляков!»).

Самые расторопные — оставлялись на фабриках: «экзамен сдал удовлетворительно — Форд».

(...Что, конечно, не мешает избранным оставаться увальнями).

«Жизни больше!», гласили кирпичнощекие епископы, под кэкуоковый и раг-таймовый вой и смех чернокожих своих, неравноправных детей.

In cogrore sano, чтобы без утечки в моторах! Малейший недочет в винтике: головная боль, бородавка, царапина — на слом, заменять!

Чтобы работа тысячетонных молотов не прекращалась ни на одно мгновенье!

Невообразимая пляска размаха.

Резолюция Президента, Главнокомандующего, Министра Гигиены, наложенная на доклад о смертельной скуке, однообразии жизни в траншеях, изморной выжидательной войны: «слово и понятие *safard* — национальная опасность!»

О, были выстроены города-оазисы развлечений!

Флотилии судов, муравейники поездов и камионов, обслуживали их.

Самостоятельное управление и чудовищное количество посредников работали — по возможности, блестяще.

Вихрь вертящихся мускулов, раскаты музыки, бесчисленные хоры, победный, хрюкающий визг, или протест сирен и клаксонов на рынках, — жужжанье комариных стай, усиливающих движение машин, втягивало в свои смерчевые бурава и все окружающее: соседние, средневековые городки и деревни, лагеря союзных солдат. Не только невольно (большой предмет притягивает маленький), но и по доброте, мужиковатости, по нетонко вычитанному размаху.

(«Не могу видеть, мне жалко, переутомленного француза, правда, очень мало понятного, совершенно сознательно, индивидуально, охотно, гибко — воюющего (по совести говоря, насколько искреннее нас!) ...какая-то острейшая, драгоценнейшая, стальная щетина, волоски которой, при случае, ломаются, но не гнутся ни под каким магнитным ветром!»).

Но, прививки УМСА — удавались редко.

Слишком новое вино и слишком старые мехи.

Неумолкающая, медвежья, неунывающая кипучесть, широта, задор, жалость — пробовала излиться, отделить, от щедрот своих, на русскую братию.

Но, чего доброго, встречало порицание со стороны собутыльников. (Наша «кобылка» на фронт больше не шла).

А при более тесном знакомстве — дело оказалось не столь гармонично-незатейливым. У русских не было этой уверенности в себе, жирка, спокойствия за завтраш-